

Для цитирования:

Мочалов А. Н. Цифровая трансформация общества в зеркале конституционного правосудия в странах ЕАЭС // *European and Asian Law Review*. 2024. № 1. Т. 7. С. 54–66. DOI: 10.34076/27821668_2024_7_1_54.

Information for citation:

Mochalov, A. N. (2024) Cifrovaya transformaciya obshhestva v zerkale konstitucionnogo pravosudiya v stranax EAE`S [Digital Transformation of Society in the Mirror of Constitutional Justice in the EAEU Countries]. *European and Asian Law Review*. 7 (1), 54–66. DOI: 10.34076/27821668_2024_7_1_54.

УДК 342

BISAC 018000

DOI: 10.34076/27821668_2024_7_1_54

Научная статья

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВА В ЗЕРКАЛЕ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВОСУДИЯ В СТРАНАХ ЕАЭС

А. Н. Мочалов

*Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева*
ORCID ID: 0000-0003-2502-559X

Статья представляет собой обзор правовых позиций органов конституционного контроля стран ЕАЭС по различным аспектам цифровизации общественных отношений. Исследуются решения конституционных судов и иных органов конституционной юстиции по вопросам конституционности нормативных правовых актов, регулирующих такие сферы, как биометрическая идентификация, распространение информации в сети Интернет, в том числе информации личного характера и персональных данных, использование программных средств «родительского контроля» и т. д. Автор делает вывод о том, что наибольшую распространенность в практике органов конституционного контроля получили вопросы обеспечения конституционных гарантий неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны в процессе использования информационных технологий. Органы конституционной юстиции всех исследуемых государств подчеркивают, что права и свободы человека сохраняют в цифровом мире такое же значение, что и в «физической» реальности. Вместе с тем цифровизация влечет за собой появление объективных ограничений в реализации прав и свобод человека. Это обуславливает необходимость установления пределов допустимых ограничений с точки зрения их пропорциональности и справедливости.

Ключевые слова: конституционный контроль, конституционная юстиция, права человека, конституция, цифровизация общества, цифровая трансформация, информационные технологии

DIGITAL TRANSFORMATION OF SOCIETY IN THE MIRROR OF CONSTITUTIONAL JUSTICE IN THE EAEU COUNTRIES

Artur N. Mochalov

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev

ORCID ID: 0000-0003-2502-559X

The article provides an overview of the legal positions of the constitutional control bodies of the EAEU countries on various aspects of digitalization of social relations. The article examines the decisions of the constitutional courts and other bodies of constitutional justice on the constitutionality of normative legal acts regulating such areas as biometric identification, dissemination of mass information on the Internet, including personal information and personal data, the use of 'parental control' software tools, etc. The author concludes that the issues of ensuring constitutional guarantees of privacy, personal and family secrets in the process of using information technologies have become the most widespread in the jurisprudence of constitutional control bodies. The constitutional justice authorities of all the studied states emphasize that human rights and freedoms retain the same importance in the digital world as in the 'physical' reality. At the same time, digitalization entails the appearance of objective restrictions in the realization of human rights and freedoms. This makes it necessary to find the limits of permissible restrictions in terms of their proportionality and fairness.

Keywords: *constitutional control, constitutional justice, human rights, constitution, digitalization of society, digital transformation, information technology*

Введение

Широкое распространение информационных технологий отражается в правовом регулировании, которое призвано обеспечивать юридические механизмы общественных отношений, адекватные достигнутому уровню развития социума и отвечающие практическим потребностям [Карцхия, 2019; Талапина, 2018; Федотов, 2016; Хабриева, Черногор, 2018]. Цифровизация общества преобразует традиционные сферы жизни и представляет собой своеобразный вызов праву, поскольку в изменяющихся условиях «предмет правового регулирования преобразуется, но социальная роль права в упорядочении общественных отношений не меняется» [Тихомиров, Кичигин, Цомартова и др., 2021]. Право продолжает выполнять одно из основных своих предназначений – обеспечивать свободу индивида и справедливость [Алексеев, 1994].

В связи с этим в условиях цифровизации общества повышается роль конституционного регулирования, закладывающего базис всей национальной правовой системы. В конституциях провозглашаются фундаментальные ценности общества, принципы государственного и общественного строя, права человека. Цифровая трансформация, оказывая влияние на конституционные правоотношения, вместе с тем не должна размывать заложенную основным законом ценностную основу общества, ставить под сомнение авторитет конституции и установленных в ней фундаментальных принципов права, умалять права и свободы человека и гражданина. Проблемам обеспечения конституционных прав и свобод человека в условиях распространения информационных технологий посвящены многочисленные работы правоведов [Заметина, Комбарова, 2021; Саликов, Несмеянова, 2019; Талапи-

на, 2019]. Возрастает значимость конституционного контроля, стоящего на страже конституционализма.

В данной статье приводится обзор позиций органов конституционного контроля стран ЕАЭС, затрагивающих различные аспекты цифровизации общественных отношений. Эмпирическую основу исследования составили решения конституционных судов Республики Армения, Республики Беларусь и Российской Федерации; Конституционного Суда Республики Казахстан и действовавшего до его учреждения Конституционного Совета Республики Казахстан, а также действовавшей до учреждения Конституционного Суда Кыргызской Республики Конституционной палаты Верховного Суда Кыргызской Республики.

Основная часть

Во всех странах ЕАЭС правовые вопросы, связанные с цифровой трансформацией общества, так или иначе становились предметом изучения органов конституционного контроля. Количество и характер дел в каждой стране обусловлены компетенцией органа конституционной юстиции, наличием прямого доступа к конституционному правосудию и общим состоянием законодательства в сфере информации.

В *Республике Армения* конституционно-правовые аспекты цифровизации исследовались Конституционным Судом главным образом при реализации полномочий по предварительному конституционному контролю обязательств, закрепленных в международных договорах, до их ратификации (п. 3 ст. 168 Конституции Армении в редакции 2015 г., п. 2 ст. 100 Конституции Армении в редакции, действовавшей до 2015 г.). Так, постановлением от 2 декабря 2011 г. № ПКС-1001 Конституционный Суд Республики признал соответствующими Конституции обязательства государства, предусмотренные в Конвенции о защите лиц при автоматизированной обработке персональных данных.

В постановлении от 13 апреля 2021 г. № ПКС-1588 Конституционный Суд Армении проанализировал на соответствие Конституции страны положения не вступившего в силу Протокола от 10 октября 2018 г. о внесении изменений в указанную Конвенцию. Протокол, в частности, допускает обработку «чувствительных» персональных данных (генетической информации; персональных данных, касающихся правонарушений, уголовных производств, судимостей и связанных с ними мер безопасности; биометрических данных, с помощью которых лицо однозначно идентифицируется; данных о расовом или этническом происхождении, о политических взглядах, о членстве лица в профсоюзах, о его религиозных или иных убеждениях; данных о состоянии здоровья лица или о его сексуальной жизни) только в том случае, если в законе Республики Армения закреплены надлежащие гарантии, дополняющие гарантии, предусмотренные Конвенцией. Также в числе обязательств страны, предусмотренных Протоколом, – обеспечить, чтобы уполномоченный орган Республики по надзору в сфере персональных данных принимал соответствующие меры безопасности против таких рисков, как случайный или несанкционированный доступ к персональным данным, их уничтожение, потеря, изменение или раскрытие. Все обязательства, закрепленные в Протоколе, Конституционный Суд также признал соответствующими Конституции страны.

Интересным является постановление Конституционного Суда Армении от 8 декабря 2015 г. № ПКС-1244, принятое по обращению Защитника прав человека (омбудсмана). В этом постановлении Суд попытался определить баланс между требованием об электронной идентификации граждан и свободой вероисповедания в ситуации, когда религиозные убеждения отдельных верующих не позволяли им

получать удостоверения личности с электронным носителем биометрической информации (содержащим, в частности, отпечатки указательных пальцев обеих рук). Как указал омбудсмен в своем обращении в Суд, граждане, которые по религиозным убеждениям отказались от получения идентификационных карт в установленном законом порядке, были лишены права на получение пенсии, иных мер социальной поддержки, на распоряжение своей собственностью. Поскольку требование о получении удостоверений личности нового образца ставило таких граждан «перед дилеммой», данное ограничение свободы вероисповедания, социального обеспечения и права собственности несоразмерно, по мнению заявителя, целям повышения качества услуг, предоставляемых гражданам путем внедрения новой паспортной системы и упрощения ее администрирования.

Конституционный Суд пришел к следующему выводу. Несмотря на то что с юридической точки зрения оспариваемые правовые нормы сами по себе преследуют законную цель, с морально-психологической точки зрения такие правила также должны быть восприняты всеми членами общества, которые имеют право на получение удостоверения личности. По этой причине они не должны препятствовать свободному исповеданию религиозных убеждений или осуществлению других конституционных прав и обязанностей, блокировать их реализацию или делать ее неэффективной. В данном же случае, как заметил Суд, лицо с религиозными убеждениями «сталкивается с правовой дилеммой – либо выполнить требование закона, отказавшись от своих убеждений... либо не выполнить это требование... (оставаясь верным своим убеждениям)».

В результате Конституционный Суд отметил, что «задача законодательства состоит в том, чтобы в рамках спорных правовых норм по настоящему делу предусмотреть такие альтернативные процедуры, при которых лицо будет иметь возможность по своему выбору реализовать свое поведение в соответствии со своими религиозными убеждениями... В целях обеспечения беспрепятственного осуществления прав лиц в различных сферах общественной жизни, когда осуществление таких прав обусловлено обязательным наличием документов, удостоверяющих личность, должны быть предусмотрены соответствующие правовые меры, которые были бы приемлемы с точки зрения религиозных убеждений и не ставили бы людей перед фактом выбора между религиозными убеждениями и осуществлением основных прав».

В Республике Беларусь похожий вопрос был предметом рассмотрения в Конституционном Суде еще в 2005 г. Суд в постановлении от 6 декабря 2005 г. № П-165/2005 отметил, что объединение и систематизация массивов личной информации создают потенциальную угрозу правам и свободе личности и делают возможным тотальный контроль за жизнью человека, в том числе за его мировоззрением, способствуют формированию предвзятого отношения к человеку [Миловидова, 2015].

Многие более поздние позиции были сформулированы Конституционным Судом Республики Беларусь в рамках обязательного предварительного конституционного контроля в отношении законов, принятых Парламентом, до их подписания Президентом. Предварительный конституционный контроль является в Беларуси своеобразным элементом (стадией) законодательной процедуры [Василевич, Остапович, 2020]. Законодательные акты в цифровой сфере также подвергаются проверке. При этом на смену настороженному отношению к рискам цифровизации пришел довольно позитивный взгляд на новые информационные технологии.

В решении от 22 декабря 2009 г. № Р-410/2009 отмечается, что развитие информационных технологий «создает новые возможности использования электронных

коммуникаций для оптимизации деятельности государственных органов, организаций и граждан при обмене юридически значимыми документами... Принимая меры по развитию электронного документооборота в различных областях деятельности... государство тем самым реализует свою конституционную обязанность по созданию внутреннего и международного порядка, необходимого для полного осуществления прав и свобод граждан Республики Беларусь». В другом решении (от 27 декабря 2016 г. № Р-1079/2016) Конституционный Суд проанализировал конституционно-правовую природу распространения информации о деятельности государственных органов, признав размещение информации об административных процедурах на официальных сайтах вышестоящих государственных органов (организаций) в сети Интернет «более действенным механизмом реализации конституционных положений о человеке, его правах, свободах и гарантиях их реализации как высшей ценности и цели общества и государства и о гарантировании права граждан Республики Беларусь на информацию» [Карпович, 2017: 66].

В решении от 19 декабря 2014 г. № Р-953/2014 Конституционный Суд признал соответствующим Конституции Закон Республики Беларусь «О внесении дополнений и изменений в Закон Республики Беларусь „О средствах массовой информации“». Изменения были направлены, в частности, на расширение круга распространителей СМИ за счет включения в их число владельцев информационных ресурсов в сети Интернет, если продукция соответствующего СМИ распространяется посредством такого информационного ресурса либо его составной части. В результате владельцы указанных информационных ресурсов попали в орбиту правового регулирования Закона о средствах массовой информации. На владельца информационного ресурса в Интернете (или его составной части) была возложена обязанность «не допускать использования этого информационного ресурса (его составной части) для распространения информации, содержание которой противоречит требованиям Закона о СМИ».

Отмечая конституционность данных изменений, Суд подчеркнул, что «информационные ресурсы, размещенные в Интернете, занимают значительное место в общем объеме распространяемой массовой информации... Закрепление [проверяемых] норм направлено на установление правового механизма по принятию уполномоченным государственным органом необходимых мер, включая предупредительные, для осуществления защиты конституционных прав личности, в том числе на достоверную информацию...».

Еще один блок изменений в Закон о СМИ стал предметом анализа в решении Конституционного Суда Республики Беларусь от 30 апреля 2021 г. № Р-1268/2021, которое также было принято в порядке предварительного конституционного контроля. Поправки в Закон были направлены на расширение перечня информации, запрещенной к распространению в средствах массовой информации и на интернет-ресурсах. Под запрет, в частности, попало размещение гиперссылок на страницы с запрещенной информацией. Расширился и перечень государственных органов, уполномоченных ограничивать доступ к интернет-ресурсам и сетевым изданиям: данное право было предоставлено Генеральному прокурору Республики, областным прокурорам и прокурору города Минска. Случаи ограничения доступа к интернет-ресурсу или сетевому изданию были дополнены таким основанием, как принятие решения Межведомственной комиссией по безопасности в информационной сфере о наличии на таком ресурсе информационных сообщений и (или) материалов, распространение которых способно нанести вред национальным интересам Республики Беларусь.

Конституционный Суд посчитал, что новое регулирование соответствует положениям Конституции, гарантирующим свободу мнений, убеждений и их свободное выражение (ч. 1 ст. 33) и право граждан на получение, хранение и распространение полной, достоверной и своевременной информации о деятельности государственных органов, общественных объединений, о политической, экономической, культурной и международной жизни (ч. 1 ст. 34). Исходя из ч. 1 ст. 59 Конституции, обязывающей государство принимать все доступные ему меры для создания внутреннего и международного порядка, необходимого для полного осуществления прав и свобод граждан Республики Беларусь, Суд пришел к выводу о том, что право на распространение информации может быть ограничено законодателем в рамках его дискреции. Рассматриваемые в данном деле ограничения необходимы, как указал Суд, «для устранения потенциальных рисков реализации национальных интересов в информационной сфере и способствуют формированию безопасной среды оборота достоверной информации и устойчивой к различным видам воздействия информационной инфраструктуры для обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина, стабильного социально-экономического развития страны, а также национальной безопасности Республики Беларусь». Конституционный Суд подчеркнул, что «расширение защитных мер реагирования на современные вызовы и угрозы национальной безопасности, усиление обязанностей участников правоотношений должны быть уравновешены соблюдением принципов соразмерности, правовой определенности, а также процессуальными гарантиями эффективной судебной защиты права на свободное выражение мнения».

За день до принятия данного решения Конституционный Суд также в порядке предварительного контроля рассмотрел конституционность Закона Республики Беларусь «О защите персональных данных». В решении от 29 апреля 2021 г. № Р-1261/2021 подчеркивается особое значение защиты неприкосновенности личной жизни в условиях развития информационных технологий. Оценивая ограничения прав и свобод личности, предусмотренные Законом о защите персональных данных, Конституционный Суд признал их соответствующими Конституции Республики, допустимыми и соразмерными «при условии обеспечения защиты персональных данных от незаконного доступа иных лиц», поскольку они исходят из необходимости достижения «оптимального и справедливого баланса... между объективно обусловленным требованием точной идентификации пользователей и реализацией конституционной гарантии защиты сферы их личной жизни от противоправных посягательств».

Вопросы правового регулирования идентификации граждан с точки зрения права на неприкосновенность частной жизни были предметом анализа и Конституционной палаты Верховного Суда *Кыргызской Республики* (далее – КП ВС). В Кыргызстане орган конституционного контроля, в отличие от своих белорусских коллег, сформулировал более сдержанную и развернутую позицию по поводу законных целей идентификации. В решении КП ВС от 14 сентября 2015 г. речь идет о биометрической идентификации, а объектом проверки стали отдельные положения Закона Кыргызской Республики «О биометрической регистрации граждан Кыргызской Республики», предусматривавшие обязательную биометрическую регистрацию для всех граждан страны. Закон проверялся в порядке конкретного нормоконтроля в связи с обращениями заинтересованных субъектов.

По мнению одного из заявителей, биометрические данные являются сведениями о частной жизни человека, защита которой гарантируется Конституцией. Принцип же обязательной биометрической регистрации подразумевает возможность принуждения к сдаче биометрических данных, открывающего возможность

физического насилия, поскольку предоставление биометрических данных невозможно без участия их носителя. Другой заявитель подчеркивал, что «никакой законодательный акт не может налагать обязанность на граждан предоставлять свои персональные данные в обязательном порядке и ни один государственный орган не вправе требовать от граждан обязательного предоставления своих персональных данных», поскольку это представляет собой несоразмерное ограничение прав и свобод в сравнении с тем объемом, который гарантирован Конституцией.

Идентификацию человека с использованием биометрической информации КП ВС назвала в решении «важным средством обеспечения национальной безопасности» и «достижением современной науки и технологий», которое получает «все большее признание во многих странах мира и международных организациях». В свою очередь, обеспечение национальной безопасности является одной из значимых конституционных целей, необходимость достижения которой обуславливает соразмерное ограничение конституционных прав и свобод.

В числе объектов национальной безопасности КП ВС назвала выборы как «основу конституционного строя в сфере организации и функционирования государственной власти». В силу своей социально-политической значимости выборы «могут стать объектом противоправных устремлений различных групп и отдельных лиц, направленных на фальсификацию результатов выборов, посредством манипуляции с голосами избирателей, что может... привести к различным социально-политическим потрясениям, способным нанести ущерб национальной безопасности Кыргызской Республики». Для преодоления данных угроз государство должно внедрять различные инструменты обеспечения прозрачности, честности и справедливости выборов, к числу которых может быть отнесено и использование технологических достижений при составлении и актуализации списков избирателей.

К вопросам обеспечения национальной безопасности КП ВС отнесла и исключение использования поддельных документов, удостоверяющих личность граждан Республики. Исходя из этого биометрическая регистрация граждан была признана судом соразмерным ограничением права на неприкосновенность частной жизни, нацеленным на обеспечение национальной безопасности.

Вместе с тем КП ВС подчеркнула, что иные задачи биометрической идентификации, определенные в оспариваемой норме, «несмотря на их государственную и социальную значимость, носят недопустимо обобщенный характер, что является неприемлемым при ограничении прав и свобод человека и гражданина, гарантированных Конституцией Кыргызской Республики». Указанные задачи (например, определение качественного и количественного состава граждан Кыргызской Республики; эффективная борьба с преступностью, нелегальной миграцией, терроризмом и торговлей людьми; своевременное и качественное предоставление услуг населению) не предусматривают детальных механизмов их решения, а также не определяют конкретный порядок использования биометрической базы. В связи с этим законодателю было предписано внести необходимые изменения в Закон о биометрической идентификации, определив «точные и ясные цели данного Закона, а также механизмы их достижения», исключая при этом двусмысленность и неоднозначное понимание правовых норм.

В том же 2015 г. КП ВС Кыргызской Республики вынесла решение по еще одному делу, затрагивающему неприкосновенность частной жизни в условиях развития информационных технологий (решение Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики от 22 апреля 2015 г.). Как и в предыдущем случае, дело было возбуждено на основании жалоб, поданных в порядке конкретного конституцион-

ного контроля. Заявители оспаривали ч. 1 ст. 21-1 Закона Кыргызской Республики «Об электрической и почтовой связи», которая установила исключительное право органов национальной безопасности технически осуществлять оперативно-розыскные мероприятия, связанные с использованием сети связи, предписав Правительству страны определить порядок осуществления указанных полномочий. Один заявитель отмечал, что оперативно-розыскные мероприятия в сети и каналах связи, осуществляемые с использованием технических средств системы обеспечения оперативно-розыскных мероприятий (ТС СОРМ), существенно затрагивают тайну связи и корреспонденции, поскольку подразумевают негласное получение информации. В связи с этим порядок реализации данных мероприятий должен регулироваться исключительно законом, но не актом Правительства. Другой заявитель – оператор связи – указывал на нарушение оспариваемой нормой его экономических прав, поскольку внедрение нового порядка осуществления оперативно-розыскных мероприятий в сетях связи налагало на операторов дополнительные расходы, связанные с обеспечением функционирования инфраструктуры ТС СОРМ за счет собственных средств.

КП ВС, обосновывая конституционность оспариваемых положений, подчеркнула важность конституционных гарантий неприкосновенности частной жизни человека, тайны переписки, телефонных и иных переговоров, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической связи. Вместе с тем, обращаясь к положениям Закона «Об информации персонального характера», прямо допускающим возможность получения уполномоченными органами сведений об абонентах без решения суда, КП ВС отграничила эти сведения от информации, составляющей тайну телефонных переговоров и иных сообщений. По мнению судей, данные сведения, не раскрывающие содержания переговоров (например, о месте нахождения абонентского устройства), образуют особую группу конфиденциальной информации, в связи с чем не подпадают под защиту ч. 2 ст. 29 действовавшей в то время Конституции Республики. Получение же информации, на которую прямо распространяются конституционные гарантии тайны переписки, телефонных переговоров и корреспонденции, по-прежнему требует вынесения решения компетентным судом.

Говоря о возложении на операторов связи специальных обязанностей по обеспечению функционирования ТС СОРМ, КП ВС отметила, что «необходимость использования информации, циркулирующей в сетях связи, для решения задач оперативно-розыскной деятельности предполагает доступ к базам данных и автоматизированной системе оператора связи. Тем самым предписанная законодателем обязанность оператора сотовой связи оказывать необходимое содействие осуществлению оперативно-розыскных мероприятий является мерой объективно целесообразного и социально необходимого поведения, подчиненного целям оперативно-розыскной деятельности, вытекающим из общезначимых конституционных целей».

В Республике Казахстан вопросы цифровой трансформации не получили развития в деятельности Конституционного Совета. Вероятно, это обусловлено тем, что в стране долгое время отсутствовал конкретный конституционный контроль по жалобам граждан. Предварительный конституционный контроль в отношении не вступивших в силу законов также не был обязательным в соответствии с Конституцией. Однако после начала работы Конституционного Суда Республики Казахстан одно из его первых решений было посвящено анализу права на неприкосновенность частной жизни в контексте законодательства о СМИ. В нормативном постановлении от 21 апреля 2023 г. № 11 Конституционный Суд разрешил вопрос

о конституционности подп. 3 п. 1-1 ст. 14 Закона Республики Казахстан о средствах массовой информации, в соответствии с которым для использования изображения гражданина в СМИ не требуется согласие этого гражданина, если такое использование осуществляется в целях защиты конституционного строя, охраны общественного порядка, прав и свобод человека, здоровья и нравственности населения. До подачи жалобы заявитель по делу обращался в суд с иском об удалении фотографии, размещенной без его согласия в одном из средств массовой информации, однако получил отказ. Анализ фактических обстоятельств дела позволяет предположить, что спорная фотография была размещена в сети Интернет.

При рассмотрении дела Конституционный Суд обратился к юридическому содержанию права на неприкосновенность частной жизни, включающего в себя и право на изображение. Право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, как отметил Суд, «защищает от распространения информации в самых различных источниках, включая те, которые используют современные коммуникационные технологии (социальные сети, мессенджеры и другие интернет-ресурсы)». При этом оно не является абсолютным и может быть ограничено в соответствии с законом при соблюдении условий, установленных п. 1 ст. 39 Конституции Республики. Как ранее отмечал Конституционный Совет Казахстана (в частности, в нормативном постановлении от 27 февраля 2008 г. № 2), ограничение конституционных прав и свобод может быть обусловлено необходимостью защиты конституционного строя, охраны общественного порядка, прав и свобод человека, здоровья и нравственности населения, при этом ограничение должно быть адекватным законно обоснованным целям, справедливым, пропорциональным, соразмерным и необходимым в демократическом государстве для защиты конституционно значимых ценностей. Оспариваемая норма Закона содержит, как заключил Суд, именно такое обоснованное ограничение.

Кроме того, право человека на изображение, не будучи абсолютным, не должно приобретать безусловного приоритета перед правами и свободами других лиц, создавать для них «необоснованные затруднения» в реализации права на свободное получение и распространение информации, а для СМИ – в информировании о событиях, вызывающих общественный интерес, и о лицах, имеющих отношение к этим событиям.

В связи с этим Суд отметил, что конституционно значимые цели использования изображения индивида без его согласия в распространяемой в СМИ информации во всяком случае «должны быть главными и четко выраженными». Несоблюдение же этого условия может означать неправомерное вмешательство в частную жизнь, нарушающее баланс между правом на охрану частной жизни, с одной стороны, и правом на распространение общественно значимой информации – с другой.

В *Российской Федерации* Конституционный Суд в Постановлении от 27 марта 2012 г. № 8-П сформулировал ряд важных правовых позиций, касающихся реализации конституционных принципов в цифровом мире, отмечая «объективное изменение структуры информационного пространства в современных условиях».

В Постановлении от 9 июля 2013 г. № 18-П Суд подчеркнул, что конституционные установления о достоинстве личности, неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайне «в полной мере относятся к любой информации – независимо от места и способа ее производства, передачи и распространения, включая сведения, размещаемые в информационно-телекоммуникационной сети Интернет». При этом если какие-либо противоправные действия совершены в сети Интернет неустановленным лицом, невозможность привлечь к ответственности правона-

рушителя не должна влечь за собой невозможность защиты прав потерпевшего. Одним из механизмов восстановления прав, как указал Конституционный Суд, является возложение на владельца сайта обязанности удалить порочащие гражданина сведения – даже в том случае, если данная информация была размещена не самим владельцем сайта, а третьим лицом (пользователем). Возложение указанной обязанности на владельца сайта является не мерой ответственности (поскольку ответственность может нести только нарушитель), а способом защиты нарушенного права потерпевшей стороны. Конституционный Суд признал, что владелец сайта «объективно ограничен в возможности определять достоверность информации, размещаемой на сайте третьими лицами», а возложение на него обязанности осуществлять такую проверку «означало бы отступление от конституционных гарантий свободы слова».

Вопросы распространения личной информации на интернет-сайтах были проанализированы Конституционным Судом в Постановлении от 25 мая 2021 г. № 22-П. Основной вопрос касался правомерности размещения персональных данных врачей (фамилии, имени, отчества, образования, места работы, стажа) и отзывов о них на специализированных сайтах. Обосновывая допустимость распространения такой информации без согласия субъектов, Конституционный Суд назвал «неизбежными издержками свободы информации в демократическом обществе» появление в печатных СМИ и особенно в сети Интернет публикаций, в которых тот или иной гражданин может быть идентифицирован и где могут присутствовать отзывы о его профессиональной деятельности – как позитивные, так и негативные. Вместе с тем такие «издержки» «должны быть уравновешены гарантиями защиты достоинства, чести, доброго имени и деловой репутации, а также запретом дискриминации и унижающего обращения по признаку пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии и убеждений, принадлежности к общественным объединениям или состояния здоровья».

Еще в одном деле предметом анализа Конституционного Суда стала деятельность поставщиков услуг электронной почты. В частности, принципиальным был вопрос о том, может ли провайдер электронной почты рассматриваться как обладатель информации, пересылаемой между пользователями с одного адреса на другой, и распространяется ли на него обязанность обеспечивать тайну переписки и тайну связи. Выводы, сформулированные в Постановлении от 26 октября 2017 г. № 25-П, заключаются в следующем. По своему полезному эффекту услуги владельца сервиса электронной почты аналогичны услугам связи, хотя таковыми и не являются. При этом отсутствие в федеральном законодательстве прямого указания на обязанность правообладателя интернет-сервиса, посредством которого осуществляются отправка и получение электронных сообщений, обеспечивать тайну связи не может рассматриваться как свидетельство отсутствия у него такой обязанности. Правообладатель не может по своему усмотрению разрешать или ограничивать доступ к информации, содержащейся в передаваемых с помощью его сервиса электронных сообщениях. Следовательно, он не может рассматриваться в качестве обладателя информации, которая пересылается между пользователями.

Из недавних решений Конституционного Суда представляет интерес Постановление от 18 января 2024 г. № 2-П, где предметом анализа стали устанавливаемые на смартфонах средства «родительского контроля» с точки зрения их соотношения с конституционным правом на неприкосновенность частной жизни и запретом сбора, хранения и использования информации о частной жизни третьих лиц. Программные средства «родительского контроля» позволяют с использованием штат-

ных функций современных технических устройств слышать происходящее вокруг этого технического устройства, делать соответствующие аудиозаписи и передавать их на технические устройства родителей. Использование таких программных средств, как заметил Конституционный Суд РФ, законом не запрещено и не ограничено, а потому само по себе не может считаться противоправным (что, однако, не исключает случаев их злонамеренного использования с неправомерными целями). Использование родителем такого программного средства в любом случае означает собирание информации об отдельных аспектах частной жизни ребенка, «который отнюдь не всегда проинформирован об этом и дал на это свое осознанное согласие». Более того, в орбиту действия программ «родительского контроля» попадает не только сам ребенок, но и неопределенный круг лиц, взаимодействующих с ребенком или просто находящихся с ним в одном пространстве, причем имеет для них скрытый (негласный) характер.

В то же время Конституционный Суд пришел к выводу о том, что баланс между интересами в данном случае не может считаться нарушенным «с учетом особой конституционной ценности детства, воспитания и развития детей в качестве важнейшего приоритета государственной политики России», при условии что родитель изначально не имеет намерения получить доступ к информации о частной жизни других лиц, к их личной или семейной тайне и не использует ставшие доступными ему сведения о таких лицах для их последующего умышленного распространения или для причинения им вреда.

Дал Конституционный Суд РФ и оценку информационным технологиям, используемым в сфере государственного управления, в частности дистанционному электронному голосованию (Определение Конституционного Суда РФ от 29 сентября 2022 г. № 2568-О). Данный вид голосования Конституционный Суд назвал «субсидиарным способом реализации активного избирательного права», нацеленным на то, чтобы создать для избирателей «дополнительную возможность отдать свои голоса на выборах сообразно собственным предпочтениям» и тем самым повысить гражданскую активность. При расширении доступных видов электоральных практик «должны быть гарантированы надежность и эффективность субсидиарных механизмов, применяемых для организации голосования, соблюдение принципов свободных выборов и адекватное отображение волеизъявления избирателей, реализующих в процессе выборов свое право на участие в управлении делами государства».

Выводы

Приведенный обзор правовых позиций показывает, что процессы цифровой трансформации общества имеют конституционно-правовое измерение и зачастую нуждаются в оценке с точки зрения соответствия конституции. В большинстве дел критерием оценки конституционности правовых норм, регулирующих использование информационных технологий, выступает соблюдение прав и свобод человека и гражданина, прежде всего права на неприкосновенность частной жизни, права на личную и семейную тайну, права на свободный поиск и получение информации. Нельзя не отметить сходства некоторых дел, которые рассматривались органами конституционного контроля в разных странах, в частности дел, связанных с проверкой конституционности законодательства в сфере использования биометрических данных, законодательства о распространении в Интернете информации личного характера. Это говорит о том, что данные аспекты цифровизации, веро-

ятно, являются одними из наиболее чувствительных с точки зрения обеспечения конституционных гарантий индивидуальной свободы.

Общим для всех стран ЕАЭС является то, что органы конституционного контроля неизменно подчеркивают одинаковую значимость конституционных прав и свобод и гарантий их реализации как в «физической» (традиционной) среде, так и в цифровом мире, признавая в то же время неизбежность технологического прогресса и социальных преобразований, обусловленных цифровизацией. Развитие цифровых технологий, в свою очередь, предполагает объективное ограничение конституционных прав и свобод. Определение допустимости таких ограничений, их пропорциональности и справедливости и дальше будет оставаться важной задачей, стоящей перед органами конституционной юстиции.

Список литературы

Алексеев С. С. Теория права. – М.: БЕК, 1994. – 224 с.

Василевич Г. А., Остапович И. Ю. Особенности нормотворческой активности Конституционного Суда России, Конституционного Суда Беларуси и Конституционного Совета Казахстана // Вестник Томского государственного университета. – 2020. – № 450. – С. 191–205.

Заметина Т. В., Комбарова Е. В. Искусственный интеллект и конституционные вопросы его внедрения в современной России // Правовая политика и правовая жизнь. – 2021. – № 1. – С. 180–189.

Карпович Н. А. Право на информацию в практике Конституционного Суда Республики Беларусь // Право.by. – 2017. – № 5. – С. 64–70.

Карцхия А. А. Цифровая трансформация права // Мониторинг правоприменения. – 2019. – № 1. – С. 25–29.

Миловидова А. С. Юридическое удостоверение в зарубежных государствах // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2015. – № 4. – С. 27–31.

Саликов М. С., Несмеянова С. Э. К постановке проблемы об особенностях реализации и защиты прав и свобод человека в сети Интернет // Российское право: образование, практика, наука. – 2019. – № 1. – С. 5–13.

Талапина Э. В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. – 2018. – № 2. – С. 5–17.

Талапина Э. В. Эволюция прав человека в цифровую эпоху // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2019. – Т. 14. – № 3. – С. 122–146.

Тихомиров Ю. А., Кичигин Н. В., Цомартова Ф. В. и др. Право и цифровая трансформация // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2021. – № 2. – С. 4–23.

Федотов М. А. Конституционные ответы на вызовы киберпространства // Lex Russica. – 2016. – № 3. – С. 164–182.

Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. – 2018. – № 1. – С. 85–102.

References

Alekseev, S. S. (1994) *Teoriya prava* [Theory of Law], Moscow, BEK. 224.

Fedotov, M. A. (2016) *Konstitutsionny`e otvety` na vy`zovy` kiberprostranstva* [Constitutional Answers for the Challenges of Cyberspace]. *Lex Russica*, (3), 164–182.

Karpovich, N. A. (2017) *Pravo na informaciyu v praktike Konstitutsionnogo Suda Respubliki Belarus`* [The Right to Information in the Jurisprudence of the Constitutional Court of the Republic of Belarus]. *Pravo.by*, (5), 64–70.

Kartskhiya, A. A. (2019) Cifrovaya transformatsiya prava [Digital Transformation of Law]. *Monitoring pravoprimeneniya*, (1), 25–29.

Khabrieva, T. Ya. & Chernogor, N. N. (2018) Pravo v usloviyax cifrovoj real`nosti [Law in the conditions of digital reality]. *Journal of Russian Law*, (1), 85–102.

Milovidova, A. S. (2015) Yuridicheskoe udostoverenie v zarubezhny`x gosudarstvax [Legal Verification in Foreign States]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii*, (4), 27–31.

Salikov, M. S. & Nesmeyanova, S. E. (2019) K postanovke problemy` ob osobennostyax realizatsii i zashhity` prav i svobod cheloveka v seti Internet [Peculiarities of Realization and Protection of Human Rights and Freedoms on The Internet: A Problem Statement]. *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, (1), 5–13.

Talapina, E. V. (2018) Pravo i cifrovizatsiya: novy`e vy`zovy` i perspektivy` [Law and Digitalization: New Challenges and Prospects]. *Journal of Russian Law*, (2), 5–17.

Talapina, E. V. (2019) E`volyuciya prav cheloveka v cifrovuyu e`poxu [Evolution of Human Rights in Digital Era]. *Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, (14:3), 122–146.

Tikhomirov, Yu. A. & Kichigin, N. V. & Tsomartova, F. V. et al. (2021) Pravo i cifrovaya transformatsiya [Law and Digital Transformation]. *Pravo. Zhurnal Vy`sshei shkoly` e`konomiki*, (2), 4–23.

Vasilevich, G. A. & Ostapovich, I. Yu. (2020) Osobennosti normotvorcheskoj aktivnosti Konstitucionnogo Suda Rossii, Konstitucionnogo Suda Belarusi i Konstitucionnogo Soveta Kazaxstana [Features of the Rule-Making Activity of the Constitutional Court of Russia, the Constitutional Court of Belarus and the Constitutional Council of Kazakhstan]. *Tomsk State University Journal*, (450), 191–205.

Zametina, T. V. & Kombarova, E. V. (2021) Iskusstvenny`j intellekt i konstitucionny`e voprosy` ego vnedreniya v sovremennoj Rossii [Artificial Intelligence and Constitutional Issues of Its Implementation in Modern Russia]. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn`*, (1), 180–189.

Информация об авторе

Артур Николаевич Мочалов – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (e-mail: artur.mochalov@usla.ru).

Information about the author

Artur N. Mochalov – Candidate of Juridical Sciences, Assistant Professor of Department of Constitutional Law, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (e-mail: artur.mochalov@usla.ru).

© А. Н. Мочалов, 2024

Дата поступления в редакцию / Received: 13.05.2024

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 17.05.2024